

НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ В СВЕТЕ ДЕВЕСТЕРНИЗАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЙ МАССМЕДИА

Сергей Корконосенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Резюме: В статье рассматривается тенденция девестернизации в исследованиях журналистики и медиа. Она способствует расширению глобального взаимодействия представителей разных национальных школ. Автор обращается к проблемам, которые затрудняют участие российской теории журналистики в международном сотрудничестве. Для решения проблем необходимо принимать во внимание национально-культурные особенности и исследовательские традиции, характерные для каждой страны.

Ключевые слова: журналистика, исследование, девестернизация, Россия, глобальное и национальное, культурные различия

В XXI веке культурная, общественная и научная жизнь фактически преодолела прежние барьеры изоляции народов друг от друга. В данном контексте обычно упоминаются факторы глобализации и интернетизации. К ним можно добавить еще один – физическую проницаемость государственных границ. Представители относительно молодой области науки – исследования границ (Border Studies) – считают нужным подчеркнуть, что начиная

с 1990-х годов ее статус повышается, поскольку границы стали центральным объектом внимания для ведущих постпозитивистских социальных теорий. В частности, ситуация с пересечением границ Европейского Союза и России требует «как теоретических, так и политико-ориентированных исследований, сосредоточенных на путях эффективного диалога, концептуальных и прагматических позициях пограничных служб и путешественников» (Golunov, 2013 : 934, 951).

Наша статья представляет собой попытку диалога по поводу «пересечения границ» в теории журналистики и массмедиа, главным образом на российском материале. Здесь тоже существуют серьезные проблемы, нуждающиеся в специальном обсуждении, и они измеряются далеко не только узкими отраслевыми критериями, а имеют глубинные культурные и отчасти политические корни. Немецкий профессор Вольфганг Шайфферт видит сложности взаимоотношений России и стран Запада следующим образом: «Россия переживает процесс трансформации от системы, руководимой Коммунистической партией, к государству закона, демократии и рыночной экономики...

Несмотря на всю... критику ее внутреннего развития и внешнеполитических позиций, она вновь (в который раз) стала ключевым фактором влияния... Все попытки привязать Россию к западным моделям не принесут и не принесли успеха, поскольку невозможно обратиться к стране и нации российских масштабов, с ее историей, языком и культурой, и заставить ее отречься от ее собственной идентичности» (Seiffert 2007).

Соответственно, в теории журналистики сложилось противоречие между, с одной стороны, необходимостью диалога и взаимопонимания с глобальным (прежде всего западным) профессиональным сообществом и, с другой стороны, потребностью в сохранении национальной культурной идентичности. Цель нашей статьи состоит в том, чтобы вскрыть это противоречие в его реальном объеме и формах проявления. На этом пути предстоит решить несколько задач. Нужно, во-первых, убедиться, что вопросы взаимодействия отечественной и зарубежной науки имеют сложную природу, обусловленную культурными различиями; во-вторых, охарактеризовать изменения в глобальном исследовательском сообществе, которые создают благоприятные условия для интернационализации российской теории журналистики; в-третьих, вскрыть объективные и субъективные причины ослабленного взаимодействия; в-четвертых, наметить некоторые шаги к интенсификации международного сотрудничества.

I. От изоляции к интернационализации

Статистика и недвусмысленные констатации специалистов подтверждают, что российские

научные школы в течение долгого времени получают весьма умеренное признание со стороны мировой общественности, при явном доминировании других наций. Возьмем, к примеру, генетически близкую исследователям прессы область – присуждение международных премий за достижения в науке и искусстве. За сто с лишним лет существования Нобелевской премии граждане Советского Союза и России получали ее 16 раз, тогда как представители США – 331, Великобритании – 116, Германии – 102 и т. д. За последние двадцать лет российские деятели искусства были удостоены наиболее престижных наград только 3 раза (все – за кино). По мнению комментаторов, наша культура в последние десятилетия не смогла стать неотъемлемой частью европейской и мировой культуры; максимальный интерес к ней существовал в период «полуоткрытости», в 1950-е – 1970-е годы (Радзиховский, 2013). Но и этот интерес во многом предопределялся конъюнктурно-политическими соображениями. По знаменательному признанию американского литературоведа, в период застоя «научное сообщество и журналистика на Западе... концентрировали свое внимание в основном на том, что лежало за пределами официальной системы – на *самиздате*... *тамиздате* и до некоторой степени на эмигрантской литературе... В основе лежало предположение, что “запрещенная” литература... в силу того, что она была запрещена, неизменно обладает более высокой ценностью по сравнению со всем, что было официально опубликовано в СССР, и что те, кто публиковался по официальным каналам, обязательно жертвовали правдой и даже художественным качеством своих работ» (Parthé, 1992 : ix).

Возвращаясь к журналистике и медиа, мы будем вынуждены признать, что здесь ситуация выглядит еще драматичнее. В последние десятилетия российские ученые и студенты получили в свое распоряжение широкий ассортимент трудов зарубежных авторов в переводе с английского языка: Копервуд Р., Нельсон Р. П. Как преподнести новости, 1998; Ламбет Э. Б. Приверженность журналистскому долгу, 2003; МакКуэйл Д. Журналистика и общество, 2013; Миллер Э. Шарлотский проект. Как помочь гражданам взять демократию в свои руки, 1998; Рэндалл Д. Универсальный журналист. 3-е изд., 1999; Сиберт Ф., Шрамм У., Питерсон Т. Четыре теории прессы, 1998; Справочник для журналистов стран Центральной и Восточной Европы / ред.-сост. Малькольм Ф. Мэллет. 3-е изд., 1998; Уллмен Дж. Журналистские расследования: современные методы и техника, 1998; Фихтелиус Э. Новости. Сложное искусство работы с информацией, 2008 и др. Надо добавить, что перечисленные и многие подобные публикации широко используются и цитируются в отечественном профессиональном обороте. Но этот естественный для науки процесс не подкрепляется встречным движением. Наши исследовательские труды известны в «дальнем» зарубежье в минимальной степени, и не наши учебники пользуются там повышенным спросом в университетах.

В научной жизни находят отражение те процессы, которые характерны для практической журналистики, а именно доминирование в мире англосаксонских массмедиа. Объясняя его устойчивость, немецкий журналист и исследователь Г. фон Курсель пишет: «Согласно широко

распространенному мнению, англосаксонские журналисты свободны от желания учить и перевоспитывать окружающий мир, являясь своего рода сферой обслуживания, поставляющей своим клиентам оперативную информацию и компетентные комментарии... Я же так не считаю. Идеология англосаксонской прессы достаточно прагматична. Первая ее аксиома звучит так: "Либеральный капитализм и демократия англосаксонского образца – наилучшая форма организации общества". Вторая: "Только американцы и англичане в полной мере владеют механизмами рыночной экономики и демократии"» (Курсель, 2007).

Конечно, в действительности сотрудничество не только не прекращается, но нарастает. Российские специалисты включаются в международный обмен взглядами на опорные категории журналистской науки, и тому есть множество подтверждений. Развитию контактов помогает то обстоятельство, что сам международный научный контекст меняется вслед за обновляющейся реальностью – если не радикально, то заметно. На Западе все чаще звучат предложения критически переосмыслить традицию размышлений о состоянии и развитии медиасферы, расширить географические горизонты сотрудничества и на этом пути избежать опасности изоляции западной исследовательской культуры от остального мира. Некоторые работы, в которых центральное место занимают идеи интернационализации и так называемой девестернизации (de-Westernization) исследований медиа, стали подлинным вызовом стабильным, казалось бы, представлениям. Почти двадцать лет назад в Великобритании вышла монография Дж. Даунинга «Интернационализация

теории медиа: переходность, власть, культура. Размышления о медиа в России, Польше и Венгрии» (1996) (Downing, 1996). В ней прозвучали непривычные для Запада идеи: «...преобладающая часть теории медиакоммуникации основывается на данных из двух регионов, Британии и Соединенных Штатов, для которых... характерны весьма схожие лейтмотивы в культурной, экономической и политической истории, маркирующие их отстраненность от большинства других наций планеты» (Ibid. : x).

Через несколько лет появилась коллективная работа «Девестернизируя исследование медиа» (De-Westernizing, 2000). Она вызвала активную солидарность с авторами и желание продолжить движение по начатому пути, особенно у исследователей из Латинской Америки, Индии, Африки и др. В одном из откликов говорилось: «Представляя многочисленные главы, собранные со всего мира, эта книга формирует прочные аргументы – почему исследовательское поле должно стать всеобъемлющим и всемирным. <...> Девестернизация ведет к расширению аналитических горизонтов, включая в рассмотрение факты со всего мира, которые ныне неизвестны по причине то ли языковых барьеров, то ли отсутствия интереса... Со своих начальных стадий область исследований медиа имела отчетливо западный, и особенно англосаксонский акцент» (Waisbord, 2013 : 2).

Некоторые известные европейские ученые, в свою очередь, выдвигали сходные тезисы и инициативы. Дайя Туссу в коллективном труде (Thussu, 2009) объединил усилия ученых с разных концов света под флагом интернационализации изучения массмедиа. Позднее, выступая на

конференции «СМИ в современном мире» в Санкт-Петербургском государственном университете (апрель 2014), он предложил яркую и точную формулу ситуации в сфере изучения медиа: «Новая глобализация: англобализация + активность другого мира» (New globalization = “Anglobalization” + Rise of the Rest). Одним из энтузиастов кросс-культурных проектов был Ян Экекранц (Швеция), который писал: «В эру глобализации интернационалистские программы должны быть усилены и открыты также для незападной медийной теории, с учетом существующих региональных реалий и трансформаций... Исследования медиа... испытывают трудности в столкновении с действительностью транснационального и трансформирующегося мира. Одно из объяснений заключается в определенном застарелом “методологическом национализме”... в соответствии с которым национальное государство все еще обеспечивает заведомо предполагаемые и наиболее приемлемые концептуальные рамки – даже когда в фокусе оказывается явление за пределами национального государства» (Ekecrantz, 2007 : 169–170). Стремясь на практике реализовать свои интеллектуальные проекты, Ян Экекранц вместе с Томом Олсоном в 1990-х годах начали широкую программу исследования медиа в государствах Балтийского региона, включая Санкт-Петербург (Ekecrantz, Olsson, Ericson, and Åker, 1999).

Таким образом, глобальный исследовательский контекст начал изменяться по направлению от сепаратизма и изоляционизма к сотрудничеству. Это нельзя не принимать во внимание в российском научном сообществе, если оно не хочет упреков в «методологическом национализме».

Задача заключается в том, чтобы адекватно осмыслить основные направления и требования процесса перемен, равно как и свои возможные выгоды и приоритеты. Однако прежде необходимо увидеть причины, которые до сих пор препятствуют полномасштабному взаимодействию.

II. КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В ТЕОРИИ ЖУРНАЛИСТИКИ

На объективном уровне продолжает сказываться многолетнее автотрофное развитие науки в национальных пределах или, по меньшей мере, вялость международного взаимодействия. Влияние этого фактора все энергичнее преодолевается на наших глазах, благодаря формирующейся привычке выезжать на конференции и стажировки за рубеж, организации компаративных исследований в партнерстве с иностранными университетами, широкому доступу к иностранным публикациям и базам данных и т. п. Однако на пути распространения информации о российских исследованиях и школах встает ресурсный фактор. Имеются в виду сложности с публикацией научных материалов в ведущих рецензируемых журналах. Исторически для российских ученых знаком престижа и высоких достижений считалось издание монографии или фундаментального учебника. Между тем мировая практика в течение длительного уже времени отдает приоритет журнальным статьям, данный показатель имеет высокий вес при составлении рейтингов университетов и отдельных специалистов. Несомненно, эта разница в подходах послужила одной из причин отсутствия в России периодики по вопросам журналистики и медиа, которая регистрируется в крупнейших базах

данных Web of Science и Scopus. Наши авторы вынуждены предлагать свои труды ведущим зарубежным изданиям и, соответственно, приспосабливаться к принятым в них стандартам и теоретическим традициям, да еще и обеспечивать профессиональное владение иностранными языками. Понятно, что по этим параметрам россияне в принципе не могут быть высококонкурентными участниками глобального научного обмена.

Заметим, что данная сложная ситуация характерна для отечественной науки в целом. Согласно библиографической статистике, в 2002 г. Америка возглавляла список стран с наибольшим количеством публикаций в Web of Science (32,0%), а Россия занимала девятое место (3,09%). Десять лет спустя доля России снизилась до 2,06%, в то время как Америка сохранила лидерство, хотя и с уменьшившимся показателем (27,13%) (Подорванюк, 2013). Особенно низок уровень публикационной активности в общественных науках. Основываясь на материалах доклада Top 100 Research Fronts (Thomson Reuters Media Corporation), эксперты пришли к заключению, что российские ученые не входят в число ведущих специалистов по наиболее перспективным направлениям социальных исследований, тогда как американцы и здесь тоже находятся впереди (Тодоров, 2013).

На субъективном уровне, кроме причин психологического свойства, интерес к интеграции в мировое сообщество сдерживается неверием в высокие дивиденды от такого вложения интеллектуального капитала. В этих сомнениях есть зерно истины, и потому не стоит их отбрасывать априори.

Во-первых, отечественным исследователям трудно безоговорочно принять те догматы, которые выработаны в западной теории журналистики и воспроизводятся (или хотя бы декларируются) в редакционном производстве. Как отмечает шведский аналитик, «представляется, что традиционные западные идеалы объективности и беспристрастности доминируют во многих редакциях» (Nygren, 2012 : 6). В короткой статье нет места для подробной аргументации, но все же позволим себе выразить сомнение в том, что названные идеалы точно коррелируют с генетической природой и традициями отечественной прессы.

Зададимся, однако, вопросом – насколько на практике прочны каноны объективности и отстраненности, о которых со всей категоричностью говорится в западной теории массмедиа? Иными словами, так ли уж определено они формируют единый стиль журналистской деятельности? Результаты некоторых эмпирических исследовательских проектов, имеющие отношение к этой теме, позволяют прийти к ответу. Проекты были представлены на конференции «Разнообразие в журналистике» (Diversity of Journalisms), прошедшей под эгидой Европейской ассоциации коммуникативных исследований и образования (ECREA) в Испании в 2011 г. Характерно, что уже название конференции отнюдь не утверждает унификацию профессиональных стилей. Идея национально-культурной идентичности прессы получает все более прочную поддержку как в практике, так и в теории.

В частности, довольно неожиданные результаты были получены при сравнительном изучении массмедиа в нескольких развитых демокра-

тиях – США, Великобритании, Франции, Германии и Финляндии (период 2000–2009 гг.). В отчете о проекте говорится: «“Американизация” является одним из наиболее часто используемых... терминов в дискуссиях о развитии медиа в международном масштабе, данная тенденция сильно беспокоит европейцев, которые гордятся (иногда оправданно) своеобразием своих медиасистем... Я утверждаю, что, несмотря на часто звучащие предсказания о нарастающей “системной конвергенции”... текущее десятилетие характеризуется “отсутствием американизации” новостных институтов в рассмотренных пяти европейских странах... Этот вывод имеет большое значение для понимания журналистики и ее роли в демократии, поскольку растущее количество исследований приводит к тому, что “либеральные” (рыночно ориентированные) медиасистемы, по американскому типу, увеличивают информационный разрыв между успешными и неуспешными людьми, вызывают сокращение электората и могут привести большую часть населения к отстранению от общественной жизни» (Nielsen, 2011 : 397).

Другой исследователь сравнил высказывания о профессиональных стилях американских и французских военных корреспондентов, полученные в ходе интервью; затем сравнению были подвергнуты их публикации. В итоге он пришел к таким заключениям: «Интервью показали, что французские и американские военные корреспонденты называют одни и те же фундаментальные ценности, а именно точность и взвешенность. Они также упоминают одни и те же критерии для определения хорошей журналистской работы, такие как документальное подтверждение сообщений

или взвешенные характеристики действующих лиц... Однако анализ статей во французских газетах... вскрывает разрыв между словами интервьюируемых журналистов о том, что должно делаться, и тем, что журналисты делают в действительности. Французские военные корреспонденты в значительной мере являются такими авторами, чье личное присутствие выражено гораздо сильнее, чем у американцев, и которые в конечном счете выполняют писательскую функцию» (Boudana, 2011 : 399).

Во-вторых, западная теория журналистики ни в малейшей степени не цельна и не гомогенна в концептуальном измерении. В ней существует целый веер направлений, в том числе и взаимоисключающих. Значит, российским исследователям, желающим двигаться по «западным» векторам, следует как минимум конкретизировать объект своих пристрастий, чтобы не производить концептуальную какофонию. Тем не менее родственной чертой для большинства разных школ будет их массово-коммуникационный фундамент, что сильно сужает угол зрения на журналистику и уж во всяком случае нетипично для отечественной научной традиции.

В-третьих, следовательно, существуют ключевые различия между российской (шире оценивая – центрально- и восточноевропейской) и западными традициями исследования прессы. Расхождение теоретических позиций является следствием отличий в практике, которая для исследователей служит объектом анализа и в свою очередь властно предопределяет векторы научного интереса. Специалистам хорошо известно, что исторически и генетически российская жур-

налистика неразрывно связана с литературой и, соответственно, она развивалась как литературоцентричная деятельность. Этим свойством обусловлена особая роль автора в произведении – гораздо более активная, чем в западной прессе, которая поклоняется объективности и боготворит нейтральную подачу фактов.

Признавать эти различия вынуждены даже те исследователи, кто невысоко оценивает восточноевропейскую журналистику, поскольку считает ее аномалией на фоне западной отстраненности. Сошлемся на польского профессора К. Якубовича. По его мнению, в центрально- и восточноевропейских странах существует стремление к тому, чтобы журналисты становились рупорами для гласа народа. Это «служит отражением традиционной роли интеллигенции в центрально- и восточноевропейских странах. И это сказывается на типе журналистики, в которой господствуют суждения. Подчиняя свою работу продвижению социальных и политических изменений, журналисты неизбежно должны выбирать такой стиль выступлений, которому свойственны поддержка, защита и агитация и который временами граничит с пропагандой...

Соответственно, существующие нормативные концепции журналистики соединили в себе дидактичность в журналистике, роли лидерства и охраны / управления vis-à-vis аудитория, особые формы парадигмы социальной ответственности, критическую / диалектическую роль в обществе, оставляя аудитории главным образом роли учеников, рядовых граждан, сторонников и последователей» (Jakubowicz, 2001 : 75).

Трудно согласиться с жестким уравниванием всякого случая самовыражения в журналистике с пропагандой; это популярный, но примитивный стереотип представлений о журналистике. К тому же пропаганда имеет немало позитивных коннотаций в теории и практике. Тем не менее, не пускаясь в теоретические дискуссии, заметим, что в цитированной статье верно схвачены качественные различия между восточной и западной традициями прессы. Соответственно, подобное разграничение необходимо учитывать и при анализе традиций в теории журналистики. Отражение правды событий никогда не отрицалось в российской прессе, будь то практика или теория. Но наряду с этим значительное внимание всегда уделялось качеству продукции, широкому набору жанров и форм публикаций, личности автора и т. п. Публикации должны привлекать читателя не только информацией о событиях или решении проблем, аудитория получает удовольствие от процесса чтения высококачественного текста или просмотра классно снятого телесюжета.

Одна из главных ошибок критиков теории и практики российской журналистики заключается в том, что они регулярно используют так называемую транзитологическую парадигму анализа. Профессор Колин Спаркс (Гонконг) изучил объяснительный потенциал данного подхода. По его словам, «преобладающая политологическая традиция трактовки социальных изменений в посткоммунистических обществах, которая обычно... называется “транзитологией”, ошибочна в своих основных положениях. <...> Большая часть работ, лежащих в этом русле, может быть по справедливости названа “телеологическими”,

поскольку в них подразумевается, что существовала некая определенная цель – демократия как она практикуется... в северо-западной Европе и Северной Америке, – к которой страны, находящиеся в состоянии перехода, с неизбежностью стремятся». Однако анализ действительного состояния СМИ в Польше, России и Китае показывает, что «трудно поддержать любое из... главных утверждений транзитологии» (Спаркс, 2010 : 296–297, 322).

Опираясь на это заключение, мы не можем поддержать логику, согласно которой в большей части восточных стран либеральный проект «никогда не имел шансов на реализацию, в силу отсутствия политической культуры, необходимой для обеспечения независимости медиа, и наличия государственного контроля медиа» ((Jakubowicz, 2001 : 70). А что если упомянутые страны не нуждаются в западном либеральном проекте? Кто возьмется с уверенностью утверждать обратное? Перед нами даже не вопрос о транзитологии как таковой; преимущественно политический угол зрения заставляет исследователей сравнивать несопоставимое, а именно явления журналистики, порождаемые разными культурами. Иначе говоря, не только политические критерии должны находиться на вооружении, и не они играют решающую роль в комплексе теории журналистики. Несколько иными словами эту мысль передают финские исследователи российских массмедиа: «Сама российская система СМИ полна противоречий и парадоксов, которые не поддаются продуктивному анализу с использованием только традиционных измерителей» (Pasti and Nordenstreng, 2013 : 263-264).

Подтверждением тому, что сказанное относится не к одной лишь России, служат выводы чешских исследователей. Они критически переосмысливают 25 лет развития теории журналистики в своей постсоциалистической стране и констатируют ошибочность прямолинейного встраивания в западные модели структурно-системного анализа. По их категорически заявленному мнению, «бывают времена, когда воображаемый барьер Восток / Запад все еще сохраняется, в "нашем" сознании, поскольку "мы" чувствуем, что "мы" другие, "мы" имеем другой исторический опыт, и возможно, что "они" чувствуют то же самое. Однако этот специфический контекст исторического опыта и сознания должен рассматриваться и отражаться не только в исследовании структур и систем медиа, но также (если не еще более важно) в исследовании аудиторий медиа, ежедневной практики медиа и роли и использования медиа для установления как национальной, так и индивидуальной идентичности (Reifová and Pavlíčková, 2013 : 135).

Наконец, англосаксонские теории – не значит всемирные. Авторитетные ученые подчеркивают, что на карте исследований медиа и коммуникаций наблюдается большое разнообразие. Так, согласно Дж. Даунингу, кроме Британии и Соединенных Штатов есть «другие страны, на опыте и культуре которых была построена теория медиакоммуникаций, хотя быстрый рост исследований медиа в канадской и австралийской школах недавно добавил эти нации к списку» (Downing, 1996 : x).

Д. Маквейл расширяет список, когда называет кандидатов на обладание оригинальными теоретическими школами: Франция, Соединенное Коро-

левство, Германия, Скандинавский регион, Средиземноморский регион, Италия и Испания (McQuail, 2009 : 288). Не приходится удивляться тому, что среди этих стран нет России (как и других представителей Центральной и Восточной Европы). В то же время применительно к специфической российской сфере интересов список надо увеличить еще раз. Для нашей гигантской страны и особенно для сибирских территорий большое значение имеет Азиатско-Тихоокеанский регион. Однако теоретические работы, касающиеся журналистики и массмедиа в Азии, крайне слабо представлены в отечественном исследовательском поле. И. Н. Демина (Иркутск) подробно представила эту ненормальную ситуацию участникам конференции «Российские исследования массмедиа и журналистики в международном контексте» (Демина, 2013).

III. СОТРУДНИЧЕСТВО В РЕЖИМЕ ДИАЛОГА

Таким образом, в теме международного контекста для российских исследований журналистики и массмедиа есть несколько доминант. Первая и самая существенная среди них, на уровне аксиомы, – это необходимость существовать в этом контексте и активно его изучать, извлекая из него продуктивные идеи, смыслы, методики труда, контакты и т. п. Вторая – это ясное представление о состоянии мировой науки, которое отмечено противоречивостью, разнородностью, несовершенством и пр. Третье – привнесение в мировую исследовательскую практику тех знаний и опыта, которыми располагает отечественная наука. Раз контекст международный – значит, с нашим ак-

тивным включением в него как субъекта действия, а не на началах некритического заимствования. Мы не хуже, не лучше, не чужеродные элементы, а необходимое дополнение к мировому ландшафту, со всем своим арсеналом и потенциями.

Призыв к диалогическому общению наверняка встретит поддержку у сторонников концепции девестернизации в разных странах. К примеру, исследователи из Южной Африки пишут в данной связи: «Важным является различие между подходами, ориентированными на диалог или включение. Даже если различные журналистики включены в общемировом масштабе, некоторые из них могут остаться на положении маргинальных или отчужденных, как “альтернативные” журналистики или как принадлежащие географически особым зонам, и, следовательно, неспособных оказывать влияние на доминирующий поток для его изменения, что было бы возможно при подлинно диалогическом подходе» (Wasserman and de Beer, 2009 :. 429).

Сходные идеи можно обнаружить в текущих публикациях, посвященных положению дел в российских медиа. Детальный анализ трансформаций, через которые в последние десятилетия прошла российская пресса, показывает, что мировая наука может почерпнуть из этого опыта ценный материал для обобщений самого высокого уровня. «Пример российских СМИ и журналистики, несомненно, имеет универсальное значение, несмотря на то, что в них огромное место занимают факторы национальной природы. Оказавшись в центре двойного перехода – от социализма к рыночной экономике и демократии, с одной стороны, и от аналоговых массовых медиа к цифровым,

интерактивным – с другой, медиасистема России сегодня предоставила уникальный опыт для дальнейших теоретических выводов и даже парадигмальных построений» (Вартанова, 2013 : 278).

Несомненно, для успешного взаимодействия с мировой наукой необходимо предпринять целенаправленные усилия. Прежде всего, в течение долгого периода времени российские исследователи испытывают потребность в тщательной инвентаризации своего хозяйства. Нужно выделить (и точно назвать!) ведущие школы, широко представить их в публичной сфере, собрать банки данных с публикациями, претендующими на международное внимание. Мы во многом разделяем озабоченность тех отечественных специалистов, которые считают, что «сегодня в России нет классификации главных теоретических направлений в исследовании массовой коммуникации. С одной стороны, мы можем видеть терминологический беспорядок в объектах теоретического анализа... С другой стороны, исследователи иногда не знают, что следует называть теориями, понятиями, подходами, традициями анализа, школами и исследовательскими работами, принципами, научными направлениями, парадигмами, методологиями, методами и т. д.» (Dunas, 2013 : 89). Добавим, что подобные оценки можно отнести и к ситуации в мировой науке о журналистике и массовых коммуникациях.

Отчасти снять эту проблему призван научный проект «Теории журналистики в России», который разработан кафедрой теории журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ. К настоящему моменту пройден его первый этап, результаты которого отражены в монографии «Теории журна-

листки в России: зарождение и развитие» (Жоркунсенко, 2014). Авторы проследили, как в прошлые столетия возникали и формировались основные дисциплинарные направления исследовательской работы: историко-теоретическое, нормативное, социально-философское, политологическое, социологическое, психологическое, культурологическое, художественно-эстетическое. На каждом из них были выявлены черты национально-культурного своеобразия, отказываться от которых вряд ли целесообразно в сегодняшней академической практике.

Последующие стадии проекта, непосредственно приближенные к актуальной современности, будут опираться на результаты «эволюционного» этапа и послужат их теоретическим продолжением. Исследователи, как сообщество и как отдельные индивиды, не должны и не могут успешно двигаться дальше, если они не овладели «предыдущим» знанием. В противном случае они будут обречены либо на возвращение по замкнутому интеллектуальному кругу, при видимости шага вперед, либо на выявление ситуационных, сиюминутных характеристик журналистики, которые не проецируются ни в ее прошлое, ни в будущее.

По всей вероятности, экскурсы в историю национальной научной мысли окажутся полезными для исследователей журналистики многих стран. Они существенно укрепят тенденцию девестернизации, которая будет опираться не только на заявления о своеобразии научных школ в тех или иных культурах, но и на систематизированные фактические данные.

ССЫЛКИ

- [1] S. Boudana, "French War Correspondence: An Original Model of Journalism or a Case of Americanization / Globalization of Norms and Practices?" in *Diversity of Journalisms*. Proceedings of ECREA / CICOM Conference, ed. by R. Salaverría. Pamplona, Spain: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2011, p. 399.
- [2] J. Curran and M. J. Park, Eds., *De-Westernizing Media Studies*. New York: Routledge, 2000.
- [3] J. Downing, *Internationalizing Media Theory: Transition, Power, Culture: Reflections on Media in Russia, Poland and Hungary 1980-95*. London: Sage Publications, 1996.
- [4] S. Golunov, "EU-Russian Border Crossing: The Dialogical Perspective," *Geopolitics*, 18:4, pp. 933-953. 2013.
- [5] D. V. Dunas, "Mapping Mass Communication Theories in Contemporary Russia," in *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*, ed. by Elena L. Vartanova. Moscow: Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University; MediaMir, 2013. P. 88-107.
- [6] J. Ekecrantz, T. Olsson, S. Ericson, and P. Åker, "Media Societies around the Baltic Sea. Cultures and Communications in Transition," *Nordicom Information*, No 3, pp. 81-85. 1999.
- [7] J. Ekecrantz, "Media and Communication Studies Going Global", *Nordicom Review*, Jubilee Issue, pp. 169-181. 2007.
- [8] K. Jakubowicz, "Rude Awakening: Social and Media Change in Central and Eastern Europe," *The Public*, vol. 8 (1), pp. 59-80. 2001.
- [9] D. McQuail, "Diversity and Convergence in Communication Science: The Idea of 'National Schools' in the European Area," in *Communicative Approaches to Politics and Ethics in Europe: The Intellectual Work of the 2009 ECREA European Media and Communication Doctoral Summer School*, ed. by N. Carpentier, P. Pruulmann-Vengerfeldt, R. Kilborn, T. Olsson, H. Nieminen, E. Sundin, K. Nordenstreng. Tartu: Tartu University Press, 2009. P. 281-292.
- [10] R. K. Nielsen, "The Absence of Americanisation – Media Systems Development in Six Developed Democracies, 2000–2009," in *Diversity of Journalisms*. Proceedings of ECREA / CICOM Conference, ed. by R. Salaverría. Pamplona, Spain: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Navarra, 2011, p. 397.

- [11] G. Nygren, "The Research Project Journalism in Change," in *Journalism in Russia, Poland and Sweden – Traditions, Cultures and Research*, ed. by G. Nygren. Stockholm: E-print, 2012. P. 5-12.
- [12] K. Parthé, *Russian Village Prose: The Radiant Past*. Princeton: Princeton University Press, 1992.
- [13] S. Pasti and K. Nordenstreng, "Paradoxes of Journalistic Profession: Case of Russia in the Context of the Brics Countries," in *World of Media. Yearbook of Russian Media and Journalism Studies*, ed. by Elena L. Vartanova. Moscow: Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University; MediaMir, 2013. P. 243-268.
- [14] Reifová and T. Pavlíčková, "Invisible Audiences: Structure and Agency in Post-socialist Media Studies," *Mediální Studia*, II, pp. 130-136. 2013.
- [15] W. Seiffert. [2007] Russia's role in the new world order, *Current Concerns*, 14. [Online]. Available: <http://www.currentconcerns.ch/index.php?id=455>
- [16] D. K. Thussu, Ed., *Internationalizing Media Studies*. London and New York: Routledge, 2009.
- [17] S. Waisbord. [2013] De-Westernization and Cosmopolitan Media Studies. [Online]. Available: http://www.academia.edu/2971672/De-Westernization_and_cosmopolitan_media_studies
- [18] H. Wasserman and A. S. de Beer, "Towards De-Westernizing Journalism Studies," in *The Handbook of Journalism Studies*, ed. by K. Wahl-Jorgensen and Th. Hanitzsch. New York: Routledge, 2009. P. 428-438.
- [19] Е. Л. Вартанова, *Постсоветские трансформации российских СМИ и журналистики*. М.: МедиаМир, 2013.
- [20] И. Н. Демина, "Научно-образовательное сотрудничество регионального вуза в совместных программах журналистского образования," in *Российские исследования массмедиа и журналистики в международном контексте*, ed. by С. Г. Корконосенко. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, Филологический факультет, 2013. С. 162-165.
- [21] С. Г. Корконосенко, Ed., *Теории журналистики в России: зарождение и развитие*. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014.
- [22] Г. фон Курсель, Н. Лебедева, Н. Сорокина, "Заговор слов. От каких стереотипов не могут избавиться западные и российские СМИ," *Российская газета*, 7 февраля. 2007.
- [23] Н. Подорванюк, "'С Россией ничего не происходит'. Как улучшить позиции России в мировой науке? Публиковаться в 'правильных' журналах и усилить международное сотрудничество," *Газета.ru*. 6 октября. 2013. [Online]. Available: http://www.gazeta.ru/science/2013/06/10_a_5375045.shtml
- [24] Л. Радзиховский, "На обочине. Почему Россия обделена международными премиями?" *Российская газета*, 21 февраля. 2013.
- [25] К. Спарк, "СМИ Польши, России и Китая после эпохи перехода," in *СМИ в меняющейся России*, ed. by Е. Л. Вартанова. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 295-336.
- [26] В. Тодоров, "Без России. Наши ученые не стали лидерами в ключевых темах в общественных науках," *Газета.ru*. 5 мая. 2013. [Online]. Available: http://www.gazeta.ru/science/2013/05/05_a_5290925.shtml